

«Кто ее обидел?»

В это утро ребята, которым дома дали немножко денег на мороженое и другие воскресные радости, могли пойти в кинотеатр «Орленок» на «Алешкину охоту», а могли и поехать на аэродром посмотреть воздушный праздник. Совсем неплохо. Но некоторые все же пошли в театр.

В Костроме любят ходить в театр. Уютный старомодный зал, вид которого не изменился со времен А. Н. Островского, мал, но в нем — и ложи бенуара, и ложи бельеважа, и забытые везде, кроме Костромы, «галереи» (галерка), и «парадиз» (раке).

На утренние спектакли билеты в парадиз стоят 40 копеек. К половине одиннадцатого их уже раскупили. Мне достался билет в ложу третьего яруса за полтинник.

В это утро шла «Марица». Оперетту Кальмана играл в Костроме на гастролях Алтайский театр музыкальной комедии. Вы скажете, что лучше было бы играть «Марицу» вечером, но это было невозможно. Вечером шла «Цыганская любовь». Что же оставалось делать?

Волшебство и притягательность театра состоят, помимо всего прочего, в том, что никогда ничего нельзя предсказать заранее. Вот смотрите: «Марица» на утреннике, в зале полно детей — и маленьких, пришедших со своими родителями, и постарше, оказавшихся от мороженого силой собственной воли.

А что же на сцене? Актеры не знают ничего, кроме штампов, но и штампы им не под силу (кроме Б. Двойникова, который в роли Зулана делал все, что положено, без

особой ватуги). Режиссер время от времени пытается сделать поведение персонажей осмыслившим, но не может уловить, в чем, собственно, смысл (в такой оперетте смысла и не должно быть, это нарушает цельность жанра); но это не имеет никакого значения для тех детишек, которые, раскрыв рты, смотрят сейчас на сцену.

И как раз в тот момент, когда субретка Лиза что-то переживала, закрыв лицо руками, в зале раздался детский голос:

— Кто ее обидел?

Непосредственное влияние спектакля испытывали только две девочки семи-девяти лет, которые перед третьим актом в парадизе обмахивались веерами (ладощками) в точности, как это делали во втором акте гости графини Марицы. Второй акт прошел хуже первого, а третий — хуже второго. Это главный художественный минус барнаульской «Марицы» — она длинновата для детских утренников. Уже когда Тасилло показывал Марице, как бы он ухаживал заней, будь она бедной, незнатной девушкой, в одной ложе мама кого-то шлепала, в другой кто-то не мог выбраться из-под стула, дети из первых рядов партера сгрудились у оркестрового барьера и рассматривали музыкантов. В третьем же акте публики стало меньше: воскресенье — надо побывать пораньше и уложить детей отдыхать.

В общем, все прошло тихо и мирно.

А. АСАРКАН.

Кострома.

Помощь и счастье,
1966, 8 сентябрь